Н.Т. Пахсарьян

Идиллия и утопия в романе Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»

Личность Руссо, как и его литературно-философская деятельность, столь же многогранны, сколь и очевидно парадоксальны. С одной стороны, привычный образ Руссо в широком филологическом и философском обиходе неотделим от понятия утопии, с другой – вокруг проблемы взаимодействия Руссо и утопии ведутся постоянные дискуссии: чтобы не приводить длинный перечень исследований по этой проблематике, назову только самый свежий труд Антуана Хатценбергера «Руссо и утопия. От островного государства к космотопии», вышедший в начале этого года[1]. Монография содержит в себе материал диссертации, защищенной в 2006 г. в Сорбонне, и рассматривает развитие утопических идей в достаточно широком кругу руссоистских произведений: «Проект конституции для Корсики», «Прогулки одинокого мечтателя», «Эмиль, или о воспитании», «Общественный договор» и «Юлия, или Новая Элоиза». Характерно, что в том же 2006 г. во Франции вышел «Словарь Жан-Жака Руссо»[2], в котором – как ни странно – отсутствует статья «Утопия», хотя в него включены и перечисленные произведения, и многие важные категории, которыми оперирует писатель, или которые необходимы для анализа его творчества.

Можно сказать, что в определенной степени такое умолчание закономерно: ведь, как известно, при том, что утопии были распространены в эпоху Просвещения, теория утопии оставалась не разработанной, во всяком случае целостно и системно. Историки уточняют, что слово это в литературно-художественной мысли XVIII столетия употребляется не слишком широко, и его значение фиксирует довольно поздно: в Академическом словаре 1798 г.: в утопических сочинениях «излагается план воображаемого управления, где все устроено к об-

[1] *Hatzenberger A.* Rousseau et l'utopie. De l'état insulaire aux cosmotopies. P.: Honoré Champion, 2012.

[2] Dictionnaire de Jean-Jacques Rousseau / Sous la dir.de Raymond Trousson et Frédéric S. Eigeldinger. P.: Honoré Champion, 2006.

щему счастью, как в придуманной стране-утопии Т. Мора». И далее: «каждый мечтатель воображает свою утопию»[3]. В просветительской «Энциклопедии», однако, отсутствует статья «утопия», на что обращает внимание историк Ф. Фуэнтес[4]. Сам Руссо нечасто использует это слово, и его редкие упоминания относятся исключительно к периоду работы писателя над «Проектом конституции для Корсики» и развязкой «Эмиля». Не случайно труд А. Хатценбергера в первую очередь ставит вопрос о том, что практически все размышления об утопическом в творчестве Руссо заставляют ученых рассматривать его в качестве скрытого компонента, не вполне продуманного или даже серьезного, и есть много неясностей в анализе руссоистского утопизма[5]. Поскольку само понятие утопии включает, по крайней мере три типа (выделенных Жаком Аттали[6]): утопия вечности (теологическая, мечта о блаженстве), утопия свободы (социально-политическая, мечта о справедливости, отрицание рабства, проекты рыночной экономики и т.п.), утопия альтруизма (этико-психологическая, мечта о братстве, поиски счастья в служении счастью других людей) и три значения: 1) обозначение воображаемой, вымышленной страны; 2) описание идеальной организации человеческого общества; 3) нереализуемый социально-политический идеал, не вытекающий из реальных фактов, из человеческой природы, из условий жизни, то и дело оказывается, что произведения Руссо не включают какого-то из этих типов и значений и дают возможность оспаривать их утопическую модальность. Широта материала, который может быть вовлечен в обсуждение этой проблемы (ведь практически все творчество Руссо пронизано теми или иными утопическими мотивами, идеями, образами) при ограниченности размеров статьи заставляет сосредоточиться более подробно на анализе «Юлии, или Новой Элоизы» (1761).

О связи наиболее известного романа Ж.-Ж. Руссо и с пасторальной, и с идиллической, и с утопической традицией также сказано достаточно много, а потому вряд ли необходимо подробно останавли-

---

[3] Цит. по: *Hartig I., Saboul A.* Notes pour une histoire de l'utopie en France, au XVIII siècle // Quelques historiques de la Révolution française. 1976. № 224. P. 164.

[4] *Фуэнтес Ф.* Утопия // Мир Просвещения. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 152.

[5] См. текст речи ученого на защите его диссертации – она помещена на сайте Centre d'etudes en rhétorique philosophie et histoire des idées: www.cerphi.net/pip.php?article15.

[6] *Attali J.* L'homme nomade. P.: Fayard, 2003.

ваться на обзоре статей и монографий, этому посвященных[7]. Однако нельзя сказать, что это – решенная проблема, уже потому, что понятия «пастораль», «идиллия» и «утопия» все время смешиваются – как при анализе этого произведения Руссо, так и в более широком литературоведческом обиходе, а также в словарных определениях[8]. С одной стороны, все эти термины имеют связь с определенным жанром (идиллия, утопия), либо с группой жанров (пастораль). С другой стороны, они предполагают своеобразное умонастроение, тональность, наконец, модус повествования.

В частности, пастораль определяется, прежде всего, как изображение жизни пастухов, воплощающих гармоническое взаимодействие человека и природы; идиллия – как образ безмятежного существования простых людей в небольшом, отгороженном от остального пространства мире в непосредственном общении с природой; утопия – как картина идеального политического и социального устройства, либо вписанного в замкнутое пространство идеального сообщества людей, живущих счастливо и гармонично. Безусловно, есть сходство, близость этих понятий, что иногда вызывает их наложение друг на друга и определение одного через другое. Но их сосуществование в историко-литературном анализе, потребность в употреблении и того, и другого, и третьего, говорит о том, что они все же не взаимозаменяемы. Поэтому

---

[7] Приведу в пример несколько работ зарубежных ученых, в которых рассматриваются названные вопросы: *McDonald C.* The extravagant shepherd: a study of the pastoral vision in Rousseau's Nouvelle Héloise // Studies on Voltaire and the eighteenth-century: Voltaire Foundation, 1973; *Jones J.F.* La Nouvelle Héloise, Rousseau and utopia. Genève: Droz, 1977; Rousseau avant Rousseau. L'idylle des cerises des Confessions ou le locus amoenus revisité //Cartes Blanches. Monpellier, 2002. № 2. P. 235–252 ; Berchtold J. Rousseau et la pastorale antique // Die Antique der Moderne. Vom Umgang mit der Antique im Europa des 18. Yahrhunderts. Wehrhahn Verlag, 2009. № 18. P. 95–108 ; *Hatzenberger A.* Rousseau et l'utopie: de l'état insulaire aux cosmotopies. P., 2012. Из отечественных работ упомяну статью: *Златопольская А.А.* Потерянный рай естественного состояния и утопия состояния гражданского (Ж.-Ж. Руссо и утопизм в России XVIII–XIX вв.) // Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Symposium». Вып. 31. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 163–170.

[8] Процитирую лишь одно определение в качестве примера, но в нем четко видна связанность, если не спутанность всех трех понятий: «Идиллия… термин означает изначально форму буколического стихотворения… в XVIII в. становится синонимом пасторальной поэзии… Подобно утопии идиллия рисует идеальный мир, вписанный в замкнутое пространство, в котором отсутствует история…» (Idylle/ Idyll // DITL. URL: www.flsh.unilim.fr/ditl/Fahey/IDYLLEI dyll_ n.html).

утверждение Франсуазы Сильво о том, что «утопическая идеализация совершенно совпадает с природой, избранной для идиллических картин и locus amoenus пасторали»[9], кажется нуждающимся в значительной корректировке, и роман Руссо позволяет сделать это наиболее наглядно.

Как известно, Руссо, называвший себя «экстравагантным пастухом» (используя название пародийного романа писателя XVII в. Ш. Сореля, герой которого, начитавшись пасторальных романов, попытался организовать свою жизнь по их образцу – и потерпел фиаско) знал и любил пасторальные романы, в частности, знаменитую «Астрею» (1607–1627) д'Юрфе, хотя, как видно уже из принятого самим писателем прозвища, ощущал в ней сильную долю романического вымысла. Специалисты любят вспоминать о том, что в четвертой главе «Исповеди» Руссо признается в том, что он читал эту книгу вместе с отцом, что она чаще всего приходила ему на память и что, попав в те места, которые описывал автор «Астреи», он захотел посетить берега Линьона – той реки, на берегу которых разворачивались истории романной пасторали д'Юрфе. Однако реже обращают внимание на следующие строки: «Я попросил указать мне дорогу в Форе. Из разговора с трактирщицей я узнал, что эта область – благодатный край для рабочих, где много железоделательных заводов и что там прекрасно работают по железу. Эта похвала тут же охладила мое романическое любопытство, и я счел неуместным идти на поиски Диан и Сильвандров в толпе кузнецов»[10]. Можно также обратить внимание и на слова одного из собеседников во втором предисловии к «Новой Элоизе». Этот собеседник N. предрекает скептическую реакцию читателей на роман: «В лучшем случае вашего Сен-Пре примут за Селадона..., ваших болтушек кузин – за двух Астрей и станут смеяться над всеми этими персонажами, как над сумасшедшими». Далее воображаемый оппонент поучает R., т.е. автора: «...вовсе не надо воспитывать толпы Дафнисов, Сильвандров, аркадских и линьонских пастушков, высокородных поселян, собственноручно возделывающих свою ниву и философствующих по поводу природы, ни иных подобных им поэтических созданий, существующих лишь в книгах...»[11].

---

[9] *Sylvos F.* The Huguenor refuge in Le Vallon chrétien by Jean-Baptiste de Launay // Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme français (Genève). 2004. Vol. 150. P. 78.

[10] С необходимыми корректировками перевода текст «Исповеди» цит. по: *Руссо Ж.-Ж.* Избр. соч.: В 3 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 3. С. 149.

[11] *Руссо Ж.-Ж.* Избр. соч. Т. 2. С. 683, 685. Далее цитирую «Новую Элиозу» по этому изданию, указывая в скобках страницы.

Роман д'Юрфе не только оставил у Руссо яркие читательские воспоминания, но и, как показал Р. Дорш[12], серьезно повлиял на концепцию любви в «Новой Элоизе». Однако К. Лабросс, сопоставляя «Астрею» и «Новую Элоизу», наряду со сходством (напр., Элизиум Юлии напоминает храм Астреи[13]), верно отмечает существенные различия этих произведений: в романе Руссо нет ни пастухов, ни пастушек, ни хижин, ни стад – как нет ни нимф, ни друидов[14]. Речь не о том, что Руссо разочаровался в пасторальных идеалах, однако его представление о пасторали идет в русле того процесса натурализации, который этот жанр переживает в XVIII столетии[15]. Отвечая оппоненту во втором предисловии, автор «Новой Элизы» (R.) называет правильной его идею «показать зажиточным людям, что и в сельской жизни и в земледелии есть свои радости... почтенный человек, который пожелал бы удалиться со всем своим семейством в деревню и занять место своего арендатора, мог бы вести там жизнь столь же приятную, как и среди городских развлечений...» (с. 685–686). Он подчеркивает, что и в качестве читателей (как и в качестве персонажей) имеет в виду «настоящих сельских жителей» (с. 686). Эта – не только литературная, но, по существу, и социокультурная новация писателя оказалась востребованной не одними его современниками: по мнению Н. Шарбоннель, «чтение Руссо показывает, что и в XIX–XX веках мысль (о жизни на природе – *Н.П.*) опирается на идею натурализации»[16].

Движимый желанием создать «естественную» историю влюбленных, автор «Новой Элоизы» не рисует ее в особом, «пасторальном» месте – в условной Аркадии ренессансной пасторали или в опоэтизированной древней Галлии д'Юрфе. Но «маленький городок у подно-

---

[12] *Dorche R.* L'Astrée, source de l'Inoculation de l'amour dans La Nouvelle Héloise // Revue d'Histoire Littéraire de la France. P., 1966. № 2.

[13] «Реминисценцией из *Астреи*» считает «маленький утопический рай на Женевском озере» и К. Бурине (*Bourinet C.* Rousseau et la postmodernité // VOXNR.com. Le site des résistants au nouvel ordre mondial. URL: www.voxnr.com/cgi-bin/cogit_print/pf.cgi – и это еще один пример смешения пасторального и утопического.

[14] *Labrosse C.* Du bord de Lygnon aux rives du Léman. La mise en lieu de la scène amoureuse // Annales de la société J.-J. Rousseau (Genève). T. 44. 2002. P. 157, 159.

[15] См. об этом: *Пахсарьян Н.Т.* «Пасторальный век» во французской поэзии XVIII века // Пастораль: метаморфозы жанра в динамике времени. М.: Изд-во МГОПУ, 1999. С. 36–47.

[16] *Charbonnel N.* Le naturel chez Rousseau // Scripta Philosophiae Naturalis. 2012. № 2. P. 115.

жия Альп» также оказывается метафорическим топосом, близким пасторальному: не случайно в первом предисловии «издатель писем» не только настаивает на том, что никто в указанной местности не слыхал о таких людях, но и замечает, что «в описании края допущено немало грубых погрешностей» (с. 9). По-своему обыгрывая характерный для романа XVIII в. прием «подозрения в реальности», Руссо задает месту, в котором разворачивается история любви его героев идеальную «естественность» пасторального топоса. Ведь пасторальная жизнь – как пишет он в «Эмиле» – это «первая жизнь человека, самая мирная, самая естественная»[17], ее простота «всегда несет в себе что-то трогательное»[18], и было бы романическим, – утверждает он во втором предисловии к «Новой Элоизе», «мечтать о знатных крестьянах, возделывающих поля своими руками». Ясно, что в этом желании создать «естественный роман»[19] о сельских жителях есть своего рода полемика с теми принципами, на которых строилась пастораль д'Юрфе, где герои – благородные господа, избравшие пасторальный образ жизни отнюдь не из-за необходимости прокормить себя собственным трудом и т.п., где театральность и искусная придуманность сюжета не рассматривалась как порок.

В то же время «Астрея» – роман, в котором описывается жизнь на лоне природы *влюбленных* пастухов (и если мы пристальнее всмотримся в пасторальную традицию, то увидим постоянное присутствие в ней любовного сюжета), в нем дан анализ любовного чувства в его разных вариантах, и это оказывается важнейшим аспектом связи между сочинением писателя барокко и романом Руссо. Именно с точки зрения истории любви в «Новой Элоизе» и «Астрее» обнаруживается много точек соприкосновения. Надо заметить, что при этом барочный романист дает нам образец не идилличной пасторали: примеров безмятежности любовного чувства нет ни у одной из пятидесяти любовных пар, выведенных в романе д'Юрфе. Главная, образцовая пара влюбленных – Селадон и Астрея – не только вынуждена противостоять неприязни между их семьями, но и в определенном смысле друг другу: роман начинается с разлуки героев, вызванной антиномией между «быть» (верным влюбленным в Астрею) и «казаться»

[17] *Rousseau J.-J.* Emile // Rousseau J.-J. Œuvres complétes. En 5 vol. P.: Gallimard, 1959–1995. T. IV. P. 859.

[18] Ibid. P. 603.

[19] *Philonenko A.* J.-J. Rousseau et la pensée du malheur: En 3 vol. P.: Vrin, 1984. T. II. P. 23.

(легкомысленным и неверным), с кризиса, конфликта. Со сходного кризиса (как пишет Юлия уже в первом письме к Сен-Пре – «я вижу, что стремлюсь в ужасную бездну» – с. 20) начинается и любовная история героев Руссо, хотя «бездной» здесь выступают до поры до времени не внешние препятствия (воля родных), а глубина и напряженность самого чувства, чреватого чувственным влечением[20].

Добродетельность страсти любовников, живущих у подножия Альп (в естественно-пасторальном пространстве), как и у героев д'Юрфе, тесно связана с постоянством этой любви, с любовной верностью. Писатель барокко показывает героев, которые следуют правилу идеальной любви (идеальный влюбленный должен во всем подчиняться своей избраннице, что в итоге принуждает его изощряться, чтобы соблюсти запрет Астреи видеться с ней и одновременно – нарушать его), Руссо изображает персонажей, которые, как говорит он сам во втором предисловии, «умеют любить» (с. 681), и это умение (как и эта идеальность) сцементирована верностью влюбленных друг другу (на что справедливо указал Ф. Мулен[21]). Подобно Астрее, Юлия выдвигает своему возлюбленному определенные требования (например, требует поклясться, что основой их чувства будет честь), стремится установить, как она пишет, «правило мудрости, в вещах, касающихся чистого чувства» (с. 40). Подобно Селадону, Сен-Пре готов подчиняться своей возлюбленной и даже как будто подчиняется ей, но вольно-невольно нарушает ее и свои собственные запреты.

Однако есть и особый аспект развития любовных отношений в руссоистской концепции чувства, исходящий из все того же процесса натурализации пасторальности. Она в данном случае основана не на превращении условных пастухов в настоящих, а на погружении любовной истории не в мифопоэтическое прошлое, а в социокультурное настоящее. Специалисты справедливо обращают внимание на социальную природу любовной коллизии у Руссо[22] (Юлии и Сен-Пре мешает соединиться различие их сословий), но это – и этико-психологический конфликт, поскольку в его основе лежит рефлексия

[20] Признание взаимности чувства, поэтому, не успокаивает: недаром Юлия предчувствует «в грядущем одни лишь бури, разлуку, тревоги и преграды» (с. 31).

[21] *Moulin F.* Les trois formes de contrat dans La Nouvelle Héloise // L'Information littéraie. 2001. № 1. Vol. 53. P. 15.

[22] *Coulet H.* Julie ou La Nouvelle Héloise // Dictionnaire de Jean-Jacques Rousseau. P. 468: «Идеал Руссо – не утопический, любовь Юлии и Сен-Пре развивается в исторически и социально ясно определенных рамках».

автора о том, как сочетаются любовь и добродетель, чувство и чувственность.

Эта рефлексия рождена, конечно, не только попыткой идти вослед «Астрее», своего рода энциклопедии галантной цивилизации, но и восхищением-полемикой с творчеством другого популярного автора эпистолярных романов XVIII в., С. Ричардсона: с одной стороны, автор «Новой Элоизы» говорил, прочитав произведения английского писателя в переводе Прево, что в литературе «нет ничего, равного "Клариссе", даже близкого ей»[23], с другой – полагал художественно неубедительной стойкость влюбленной Памелы и не случайно сделал Юлию и Сен-Пре – любовниками, обострив соотношение чувствительности и чувственности. Герои Руссо знают, что «добродетельная чувствительность не должна уступать чувственности ничего», но, как и у некоторых персонажей Прево между их правильными принципами и чувствами возникает различие еще более выразительное, чем у Ричардсона.

Перипетии любовных взаимоотношений Юлии и Сен-Пре, их вынужденная, но и принятая как необходимость разлука – все это те бури любви, в которых запечатлен отзвук пасторальных любовных перипетий «Астреи» (как известно, Селадон и Астрея также расстаются, точнее, Астрея по роковому заблуждению прогоняет прочь своего возлюбленного, что рождает целую цепь злоключений разлученных влюбленных, один из которых – Астрея – даже считает другого, Селадона, погибшим в водах Линьона). Барочная пастораль мифопоэтична, но не идиллична, и в этом Руссо не расходится со своим предшественником.

Замечу, что в «Новой Элоизе» акцент на «бурях чувства» сделан не без сознательной полемики с традиционной авантюрностью любовного романа. В самом деле, поскольку топос морской бури, со времен античности «входит в арсенал романического»[24], Сен-Пре – путешественник не пускается в описание морского ненастья, ограничиваясь замечанием о том, что он «спокойно пересек бурные моря, лежащие у Южного полярного круга; зато Тихий океан встретил меня ужаснейшими бурями...»[25], но о переливах чувств, водоворотах страсти, всплесках радости и горя он готов говорить бесконечно.

---

[23] См. подробнее: *Jost F.* Richardson, Rousseau et le roman épistolaire // Cahiers de l'Association Internationale des études françaises. P., 1977. № 29. P. 173–185.

[24] *Berchtold J.* Le tour du monde de Saint-Preux : désillusion du visionnaire et saccage du romanesque dans La Nouvelle Héloise // Etudes françaises. 206. Vol. 42. № 1. P. 127.

[25] *Rousseau J.-J.* Oeuvres complètes. Op. cit. IV, 3. P. 351.

Однако как человек XVIII столетия, Руссо размышляет не только – и даже не столько о добродетельной любви, сколько – шире – о принципах счастливой жизни, поскольку для него счастье – это цель человеческого существования (поставленная Богом – добавил бы Болинброк[26]). Это счастье видится Руссо в браке. Не случайно он не только высказывает мысль о том, что добродетельная девушка не станет читать его роман (что обычно вспоминают), но и воображает идеальными читателями своего произведения супругов: «Мне приятно воображать, как супружеская пара, читая этот сборник писем, почерпнет в нем новое мужество для того, чтобы сообща нести бремя своих трудов и стремление сделать их полезными. Неужели, увидев в этой книге картину семейного счастья, они не испытают желания подражать столь милому образцу? Неужели, умиляясь прелестями супружеского союза, даже лишенного прелести любви, они не почувствуют, что их собственный союз становится теснее и крепче?» (с. 687).

Подобный пример счастливого семейства и счастливо-эффективного хозяйствования дан в той части романа, которую можно назвать утопической идиллией – это Кларан.

У самого Руссо слово «утопия» ни разу не возникает в тексте «Новой Элоизы», так же, как в нем не встречаются слова «идиллия» и «пастораль». Это, однако, не означает отсутствия пасторального, идиллического и утопического модусов в романном повествовании. Более того, подчеркивая полноту и богатство тем и форм утопий у Руссо, специалисты видят в «Новой Элоизе» своего рода энциклопедию утопических мотивов, а А. Хатценбергер в своей монографии говорит даже о том, что творчество писателя ускоряет переход от нарративной утопии классического периода к утопиям-программам утопических социалистов[27]. Однако уже Ф. Фабр отмечал, что у Кларана – имения, в котором живет героиня «Новой Элоизы» со своим мужем, есть, по крайней мере, одно отличие от сочинений Т. Мора, Фенелона, Дени Вераса, К. Жильбера и др.: у Кларана есть место на реальной географической карте, это – не особый мир, существующий вне пространства и времени[28].

---

[26] Я имею в виду известные слова Болингброка: «Бог сотворил нас затем, чтобы мы страстно желали счастья; и он поставил это счастье в зависимость от общества».

[27] *Hatzenberger A.* Rousseau et l'utopie. P. 8. et al.

[28] *Fabre F.* Réalité et utopia dans la pensée politique de Rousseau // AJJR. 1959–1962. XXXV. URL : www.sjjr.ch/realite-et-utopie-dans=la-pensee-politique-de-jjr

Есть и еще одно, не менее важное отличие: в эпизоде жизни в Кларане Руссо предлагает не проект государственного устройства, а модель ведения земледельческого хозяйства. Утопия Руссо – патриархальна и идиллична, в ней есть та простота (и нравов и потребностей), безмятежность, самодостаточность (замкнутость в своем кругу, своем месте обитания), которая отличает идиллическую модальность. Эта утопия – деревенская, что отвечает идеям Руссо о естественном состоянии человека, но отличается от большинства утопических сочинений с их устремленностью к описанию города. К тому же многое в описании Кларана близко реалиям хозяйственной жизни кантона Во, который описывает автор. С.В. Занин на этом основании считает неприменимым к Кларану критериев утопии, более того, подчеркивает противоположность между художественным изображением идеальной патриархальной жизни в Кларане и руссоистским политическим государственным идеалом, изложенным в трактатах писателя[29].

Однако можно скорее согласиться с испанской исследовательницей Марией Вильяверде, что «описание Кларана совершенно отвечает экономическим идеям Руссо, которые он излагает в трактатах»[30]. Другое дело, что возникает проблема трактовки понятий равенства и свободы у Руссо: ведь он, ратуя за равенство в «Рассуждении о политической экономии», «Письме к Даламберу», «Эмиле», в «Новой Элоизе» говорит, в первую очередь, не о естественности равенства людей, а о подчинении работников хозяину, о необходимости принуждать к работе, хотя и прятать принуждение под маской. Как верно доказывают и Ф. Кнее[31], и М. Вильяверде, и С. Менан, концепты равенства и свободы у Руссо наделены двойственностью: Руссо колеблется между двумя пониманиями равенства, одно из которых предполагает то, что принцы, крестьяне и даже философы думают и чувствуют одинаково; другое же постулирует наличие элиты – есть души, место которых – ни в одном из рядов, они выше всех остальных (обе цитаты – из неоконченного прозаического повествования «Лю-

[29] *Занин С.В.* Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское Просвещение XVIII в. СПб.: Міръ, 2007. С. 306–307.

[30] *Villaverde M.J.* L'égalité dans La Nouvelle Héloise // Lectures de La Nouvelle Héloise / Ed. O. Mostefai. Pensée libre. Ottawa, 1994. № 4. P. 73.

[31] *Knee Ph.* Agir sur les coeurs: spectacle et duplicité chez Rousseau // Philosophiques. 1987. Vol. 14. № 2. P. 318.

бовь Клары и Марселина», 1756). «Руссо не претендует на то, что будущее человечества будет освещено победой равенства»[32]. Коль скоро равенство поддерживается в обществе, следующем принципам естественного состояния, т.е. демократическом, то такое демократическое общество способно поддерживать не абсолютное, но лишь некоторое равенство.

То же и свобода: этот термин в текстах Руссо оказывается постоянно двойствен, парадоксален. Как замечает Ф. Кнее, свобода у Руссо – это с одной стороны, иллюзорные верования людей, которые использует Законодатель, с другой – результат поведения, подчиняющегося закону[33]. Для Руссо, наследника стоиков, пишет С. Мулен, существует порядок природы, в котором у человека есть свое место, а свобода состоит в совпадении воли человека и универсальной воли[34]. Поэтому-то господин де Вольмар воспринимается как отец семейства не только Юлией и домашними, но и всеми работниками в его хозяйстве.

При этом в Кларане, как и в других утопических построениях Руссо, важна не жесткость и строгость установленных правил (такие правила непременно хочется разрушить), а использование обычаев, позволяющих систематически создавать иллюзию свободы. Ф. Кнее верно утверждает, что Вольмар направляет свои усилия на поддержание подобной иллюзии: он добивается, чтобы работники в Кларане думали, будто они сами хотят всего того, что стремится получить от них хозяин[35]. Утопия второй части «Новой Элоизы» строится на представлении об идиллическом, безмятежном союзе хозяина и работников – словно это семейная связь отца и детей[36]. Она органично дополняется собственно семейной и домашней утопией – «идиллическим союзом атеиста, набожной женщины и рационалиста»[37]. И ос-

---

[32] *Menant S.* Deux conceptions modernes de l'égalité: Voltaire et Rousseau // Académie des Sciences Morales et Politiques. Séance du lundi 8 novembre 2010. URL : http :www.asmp.fr.Page : travaux/communications/2010_11_08_menant.htm

[33] *Knee Ph.* Agir sur les coeurs. P. 320.

[34] *Menant S.* Deux conceptions modernes de l'égalité.

[35] *Knee Ph.* Agir sur les coeurs. P. 321.

[36] Подобные же отношения хозяина (точнее, хозяйки, госпожи) и слуги Э. Бартлетт усматривает в любовных взаимоотношениях Юлии и Сен-Пре: Юлия выступает «манипулятором судьбы» своего возлюбленного (*Bartlett E.* Séduction et destruction: la guerre des sexes et la quête de la paritéchez Laclos, Rousseau et Balzac

[37] *Villaverde M.J.* L'égalité dans La Nouvelle Héloise. P. 74.

новой подобного идеального союза оказывается смягчение противостояния свободы и подчинения, равенства и иерархии, желание Руссо показать, что при условии мудрого управления, когда хозяин требует от работников (а отец – от своих домашних) только разумного и полезного, возможно взаимное удовлетворение и коллективное счастье.

Таким образом, в утопии Кларана всеобщего счастья добивается не философ, а мудрец, каким предстает господин де Вольмар. Но это вовсе не означает радикального расхождения утопического идеала «Новой Элоизы» и собственно философских сочинений Руссо: «Подобно тому, как гражданин в *Общественном договоре* подчиняется общей воле, так работники Кларана подчиняются Вольмару, представляющему интересы сообщества»[38].

Конечно, для философов-энциклопедистов идеи Руссо были слишком ретроградными, что справедливо заметила М. Вильяверде[39]. Однако утопические построения XVIII столетия вовсе не сводятся к сочинениям энциклопедистов и даже «далеко не всегда связаны с освободительным движением XVIII в.»[40]. Некоторые философы-просветители, полагает Ф. Фуэнтес, оставались равнодушны к утопии именно из-за ее «тяги ... к реставрации прошлого (ностальгия по «золотому веку», мечты о возврате к первобытному состоянию) и неизбежное сползание к эгалитаризму... казалось, она (утопия. – *Н.П.*) противоречит лозунгу прогресса и реформ, начертанному на знамени эпохи»[41].

Руссо и здесь оказывается создателем парадокса: его утопический мир не укладывается в однозначное противостояние патриархального – прогрессивного[42], писатель, в конце концов, проблематизирует утопическую модальность, придавая ей глубинное романное измерение. Сообщая «двойственность любому реформаторскому действию, сколь бы ни было оно мудрым»[43], Руссо движет сюжет романа к тому,

---

[38] Ibid. P. 77.

[39] Эту мысль она высказывает, ссылаясь на негативную оценку Дидро «Рассуждения о политической экономии» (L'égalité dans La Nouvelle Héloise. P. 75).

[40] *Фуэнтес Ф.* Утопия. С. 155.

[41] Там же. С. 154.

[42] Кейт Реджен верно замечает: «Случай Жан-Жака Руссо может служить примером неизбежной двойной импликации воображения, с одной стороны, утопии научного, социального и морального прогресса, а с другой – утопии бегства от всего этого и возвращения к нашим «естественным» корням» (*Redgen K.* Utopia in Rousseau: Some Jamesonian Reflections // COLLOQUY text theory critique. Monash University, 2007. № 14. P. 58.

[43] *Knee Ph.* Agir sur les coeurs. P. 326.

что всей мудрости его персонажа, позволившей создать идиллически-утопическое счастье Кларана, недостало, чтобы утишить пасторальные бури страстной любви Сен-Пре и Юлии. В конце концов, роман Руссо, вызывая споры вокруг социально-политических, философских, педагогических идей писателя, примиряет разнообразную читательскую публику разных веков и стран, неизменно восхищающуюся этим шедевром любовно-психологической прозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Attali J. L'homme nomade. P.: Fayard, 2003.

Bartlett E. Séduction et destruction: la guerre des sexes et la quête de la paritéchez Laclos, Rousseau et Balzac. URL : triceratops.brynmawr.edu/dspace/ bitstream/handle/10066/1324/2008BartlettE.pdf ?sequence=1.

Berchtold J. Le tour du monde de Saint-Preux: désillusion du visionnaire et saccage du romanesque dans La Nouvelle Héloise // Etudes françaises. 2006. Vol. 42. № 1. P. 127–140.

Berchtold J. Rousseau et la pastorale antique // Die Antique der Moderne. Vom Umgang mit der Antique im Europa des 18. Yahrhunderts. Wehrhahn Verlag, 2009. № 18. P. 95–108.

Bourinet C. Rousseau et la postmodernité // VOXNR.com. Le site des résistants au nouvel ordre mondial. URL: www.voxnr.com/cgi-bin/cogit_print/pf.cgi.

Charbonnel N. Le naturel chez Rousseau // Scripta Philosophiae Naturalis. 2012. № 2.

Coulet H. Julie ou La Nouvelle Héloise // Dictionnaire de Jean-Jacques Rousseau. P.: Honoré Champion, 2006.

Dictionnaire de Jean-Jacques Rousseau / Sous la dir.de Raymond Trousson et Frédéric S. Eigeldinger. P.: Honoré Champion, 2006.

Dorche R. L'Astrée, source de l'Inoculation de l'amour dans La Nouvelle Héloise // Revue d'Histoire Littéraire de la France (Paris). 1966. № 2.

Fabre F. Réalité et utopia dans la pensée politique de Rousseau // Annales de la Société Jean-Jacques Rousseau. T. XXXV. 1959–1962. P. 181–216. URL: www.sjjr.ch/realite-et-utopie-dans=la-pensee-politique-de-jjr.

Hartig I., Saboul A. Notes pour une histoire de l'utopie en France, au XVIII siècle // Quelques historiques de la Révolution française. 1976. № 224.

Hatzenberger A. Rousseau et l'utopie. De l'état insulaire aux cosmotopies. P.: Honoré Champion, 2012.

Jones J.F. La Nouvelle Héloise, Rousseau and utopia. Genève: Droz, 1977.

Jost F. Richardson, Rousseau et le roman épistolaire // Cahiers de l'Association Internationale des études françaises. P., 1977. № 29. P. 173–185.

Knee Ph. Agir sur les coeurs : spectacle et duplicité chez Rousseau // Philosophiques. 1987. Vol. 14. № 2.

Labrosse C. Du bord de Lygnon aux rives du Léman. La mise en lieu de la scène amoureuse // Annales de la société J.-J. Rousseau (Genève). T. 44. 2002. P. 149–167.

McDonald C. The extravagant shepherd: a study of the pastoral vision in Rousseau's Nouvelle Héloise // Studies on Voltaire and the eighteenth-century: Voltaire Foundation, 1973.

Menant S. Deux conceptions modernes de l'égalité: Voltaire et Rousseau // Académie des Sciences Morales et Politiques. Séance du lundi 8 novembre 2010. URL : http :www.asmp.fr.Page : travaux/communications/2010_11_08_menant.htm

Moulin F. Les trois formes de contrat dans La Nouvelle Héloise // L'Information littéraie. 2001. № 1. Vol. 53.

Philonenko A. J.-J. Rousseau et la pensée du malheur: En 3 vol. P.: Vrin, 1984.

Redgen K. Utopia in Rousseau: Some Jamesonian Reflections // COLLOQUY text theory critique. Monash University, 2007. № 14. P. 58.

Rousseau J.-J. Œuvres complétes: En 5 vol. P.: Gallimard, 1959–1995.

Rousseau avant Rousseau. L'idylle des cerises des Confessions ou le locus amoenus revisité // Cartes Blanches (Monpellier). 2002. № 2. P. 235–252.

Sylvos F. The Huguenor refuge in Le Vallon chrétien by Jean-Baptiste de Launay // Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme français (Genève). 2004. Vol. 150.

Villaverde M.J. L'égalité dans La Nouvelle Héloise // Lectures de La Nouvelle Héloise / Ed. O. Mostefai. Pensée libre. Ottawa, 1994. № 4.

Занин С.В. Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское Просвещение XVIII в. СПб.: Міръ, 2007. С. 306–307.

Златопольская А.А. Потерянный рай естественного состояния и утопия состояния гражданского (Ж.-Ж. Руссо и утопизм в России XVIII–XIX вв.) // Образ рая: от мифа к утопии. Вып. 31. СПб.: СПб. философское общество, 2003. С. 163–170.

Пахсарьян Н.Т. «Пасторальный век» во французской поэзии XVIII века // Пастораль: метаморфозы жанра в динамике времени. М.: МГОПУ, 1999. С. 36–47.

Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. М.: ГИХЛ, 1961.

Фуэнтес Ф. Утопия // Мир Просвещения. М.: Памятники исторической мысли, 2003.